

- 2 МАР 1980

СОВЕТСКАЯ ТАТАРИЯ
г. Казань

== СОВЕТСКАЯ ТАТАРИЯ ==

Трибуна писателя

С ВЫСОТЫ ДЖАЛИЛЯ

Недавно в издательстве «Советский писатель» в большой серии «Библиотека поэта», основанной еще М. Горьким, вышли избранные стихи Мусы Джалиля. Они передо мной. Редко бывает, когда испытываешь потрясение при втором — третьем чтении каких-либо произведений, даже если они принадлежат перу большого мастера. Душа привыкает, и не так просто взволновать ее. Но в этот раз это чудо случилось. С каким-то жаром и нетерпением я снова и снова вчитывался в знакомые уже стихи.

Науку смерти постигай—
Тебе страшна ли смерть?
Желанью темному не дай
Твой разум одолеть.
Первое, дошедшее до нас
стихотворение. Поэту 12 лет.
Если б грудь обожгло мне
горячим свинцом,
Если пуля засела бы
в сердце моем,
Если б смерть, не давая
подняться с земли,
Придавила меня кулаком,—
Я бы счастием считал эту
гибель в бою...
Так писал Джалиль в 13 лет.
Когда ему исполнилось
шестнадцать (до гибели под
ножом гильотины в берлин-
ской тюрьме Плетензее — еще
двадцать два года), появи-
лись строки:

Вошла стрела под сердце...
Нараслапку
Открыта мне неведомая
новь.
Течет на белоснежную
рубашку
Моя еще бунтующая кровь.
Пусть я умру...
Но вы, кто по соседству
Окажетесь в иные времена,
Взгляните на рубашку—
кровью сердца
В тревожный цвет
окрашена она.

Конечно, здесь мы имеем дело не с даром провидца, чувствующего, видящего собственную судьбу. Блестящий историзм мышления поэт обнаруживает и в октябре 1943

года, когда в промежутке между пытками, бесконечными допросами на клочке бумаги он пишет стихотворение, предвещающее, что война закончится весной, в мае.

В мае опять состоится сбор,
Съедутся все друзья...
И о себе:

Будут свободны чьи-то
места,
Кто-то не сможет быть...

Поэзия ли все, эти исполнявшиеся пророчества или уже что-то большее? Скорее — это страстное, глубоко искреннее выражение готовности к подвигу и к самопожертвованию. Я листаю страничку за страничкой, и стихи складываются в единое повествование о человеке, смело идущем навстречу буре. В самом деле, какую душу должен иметь он, какую силу таить в себе, когда, оставшись один на один с огромной нацистской машиной, одетый в камень, в железо, на краю смерти он пишет такие простые строки:

Пускай мои минуты сочтены,
И ждет меня палач.
И вырыта могила.
Я ко всему готов.
Но мне еще нужны
Бумага белая и черные
чернила.

Такое спокойствие и такая сила духа кажутся чем-то невероятным, невозможным. Но эти строки — не только факт искусства. Факт жизни. И факт этот говорит о многом. О безграничных возможностях человека. Не только Джалиля. Человека вообще.

Мы часто говорим о человеке коммунистического будущего. Но наше воображение подчас рисует какие-то бледные схемы. А между тем этот человек уже есть. Он живет на земле. Подавивший в себе все мелкое и эгонистичное. Влюбленный в жизнь и не боящийся смерти. В стихах Джалиля, думается мне, советская поэзия сделала как бы

рывок к этому человеку, явила собой один из наиболее целостных рисунков его духа.

Рука человека может все. Она может гладить голову ребенка и может убивать. Наше социалистическое, самое гуманное в мире общество поставило перед собой необычайную по сложности социальную задачу — по превращению руки человека только в руку творческую, созидательную добро и красоту. Кое-кому эта задача кажется утопией. Вчерашний человек не хочет без борьбы сдавать свои позиции человеку будущего. И в этой борьбе советская многонациональная литература, советское искусство, конечно, должны быть в авангарде. Вселять неослабевающую надежду, защищать высокие нравственные ценности, поддерживать в человеке то, без чего ему невозможно жить,—веру в настоящее и будущее, постоянное стремление к добру и красоте.

Процесс интернационализации нашей жизни развивается с необычайной быстротой, наличие сestyковка культур. Возникает неизмеримо больший масштаб измерения ценности человека, происходит обогащение и эстетики, и этики. Дело в таланте художника, в той нити, которой он соединяет временное с вечным и национальное с интернациональным, дело в его гражданской позиции. Но ясно одно, что в современных условиях каждая зрелая национальная культура может идти в ногу с жизнью или впереди ее, если не отстает она от общесоюзного прогресса культуры, от общесоюзных или в отдельных случаях мировых образцов.

И возникает вопрос: почему бы нашей критике не посмотреть на состояние современной литературы и искусства с этих позиций? С тех высот, на которые поднял татарскую поэзию Муса Джалиль, показав в ней личность, могущую быть идеалом и критерием в смысле гуманности, мужества

во имя торжества справедливости, личность, воплотившую в себе вековые мечты человечества. В самом деле, что такое творчество Н. Жиганова, Ф. Ахметова, А. Монасыпова в более широком плане? Насколько оно соотносится с лучшими достижениями советской музыкальной культуры? Что такое, допустим, проза А. Еники, А. Гилязова, Г. Ахунова, М. Хабибуллина и А. Байнова, если опять же взглянуть на нее с точки зрения общесоюзных требований? Каковы их идеальный герой?

У нас есть ценности, ставшие гордостью всей многонациональной советской культуры, — в драматургии, например, это лучшие произведения И. Юзеева, Ш. Хусанова, Т. Миннуллина, в поэзии — Х. Туфана, С. Хакима, Р. Хариса, Р. Файзуллина, в изобразительном искусстве — Б. Урманче, Х. Якупова, И. Зарипова. Короче говоря, современная культура Татарии уже давно не локальна, она явление общесоюзное, и здесь, чтобы правильно определить ее значение, — а в преддверии 60-летия республики разговор об этом, мне думается, назрел — требуется определенная переориентация нашего мышления, замена критериев. «Лицом к лицу — лица не увидать», — это не только поэтическая формула, но и истина жизни. Мы же порой на многое смотрим лицом к лицу и многое из-за этого упускаем из поля зрения. Надо шире пропагандировать и советский, социалистический подход к таланту, как государственному, общенародному достоянию, своего рода золотому фонду страны. Мы порой слишком снисходительны к серости, к мелкотемью, к мелководию и мелкомыслию — и часто в ущерб действительному таланту. Мы нередко забываем, что истинное произведение искусства — это великий подвиг духа, подобный подвигу Джалиля.

Ежедневная хроника миро-

вых событий, о которых мы читаем в газетах, которые мы видим на экранах телевизоров, постоянно напоминает нам, что мы все — участники великого всемирного конкурса. Да, конкурса — на лучшую человеческую надежду. Мы выиграем этот конкурс, поднимая уровень развития нашей экономики. Повышая уровень и обогащая образ нашей жизни. Повышая духовную силу литературы и искусства.

Человек, прорвавший блокаду мелкого, частного эгонистического существования, чей первый абрис дан в произведениях Горького, Н. Островского, Джалиля, смотрит на нас глазами самой жизни. В нем — ее настоящее. В нем — и будущее.

Одни из последних строк

Джалиля:
Пусть ваши руки,
маленькие руки,
Подымут бремя радостных
забот:
Вы города немые оживите!
Родными станьте тысячам
сирот!

Это его завет и художникам.

Но как трудно выполнить этот завет, как трудно написать человека, открывшего свое сердце заботам мира! За последние три года, например, две мои попытки создать пьесу о Джалиле не привели к успеху. Что же, значит, нужна еще попытка. Вот такую третью, четвертую попытку, чтобы лучше показать суть нашего времени, нашей сложнейшей эпохи, продолжить и развить поиск совершенного в нравственном отношении человека, должна делать современная советская литература, в том числе и татарская. Сможем ли мы взять самую верхнюю планку? Не сможем мы — ее возьмет другое поколение художников, идущее на смену. Объективный процесс развития выше чьих-то субъективных удач и неудач.

Диас ВАЛЕЕВ.